

Луганский, В. Заставы генерала Слюсаря / В. Луганский // Звезды подвига : На земле Афганистана / Сост. И. М. Дынин. – М.: Воениздат, 1991. – С. 40–52.

ЗАСТАВЫ ГЕНЕРАЛА СЛЮСАРЯ

Генерал-лейтенант Альберт Евдокимович Слюсарь родился 10 ноября 1939 года в станице Ср. Белая Ивановского района Амурской области. В 1958 году, окончив 10 классов средней школы, поступил в Дальневосточное высшее военное общевоинское командное училище.

В 1962 году лейтенанта Слюсаря направили в Воздушно-десантные войска. В рядах прославленной гвардейской Свирской Краснознаменной ордена Кутузова воздушно-десантной дивизии Альберт Евдокимович командовал парашютно-десантным взводом, ротой. Завершив учебу в Военной академии имени М. В. Фрунзе, получил назначение в гвардейскую Черниговскую Краснознаменную воздушно-десантную дивизию. Руководил батальоном, полком. Позже занял должность заместителя командира, затем – командира соединения.

В 1981 году Слюсарь переведен в состав ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Лично участвовал в боевых операциях. Его мужество, профессиональное мастерство было отмечено орденом Ленина. Указом Президиума Верховного Совета СССР 15 ноября 1983 года генералу Альберту Евдокимовичу Слюсарю присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Все было не так, как тогда...

Во-первых, горы намного старше и ниже. Слева от шоссе поднимались отроги малого Кавказского хребта, теряясь в синем мареве на горизонте. Их склоны, усеянные каменными осыпями серо-бурого цвета, никак не походили на крутые гряды Гиндукуша.

Во-вторых, погода. По среднерусскому календарю Рязанщина, откуда курсанты приехали на ротные тактические учения, сейчас переживает позднее предзимье. Поля плотно укрыты белой пеленой, деревья усыпаны инеем. Да и здесь, на Кавказе, хотя снег еще не выпадал, довольно прохладно, зябко. В долинах стлался туман, заволакивая зеленеющие луга.

А тот день сохранился в памяти знойным, душным. С утра налетел «афганец». Сильный ветер словно вырвался из раскаленной печи – обжигал лица, швырял в глаза тучи песка и мелкого щебня. Отворачиваясь от его жгучего дыхания, сгибаясь под тяжестью полной боевой выкладки, солдаты упрямо взбирались к вершине. Надо успеть достигнуть ее к назначенному сроку, который почти наступил. Многие часы ушли на разминирование дороги, буквально нашпигованной коварными сюрпризами разных марок и стран.

Да и обстановка сейчас была учебная, не боевая. За тысячи километров от родных стен курсанты Рязанского высшего воздушно-десантного училища осваивали специфику войны в горных условиях.

Старший лейтенант Геннадий Васильев приказал одному из курсантов вывести взвод в заданный район, где обеспечить высадку с вертолетов десанта роты. Времени пока хватало: и на

то, чтобы всесторонне оценить ситуацию, и на то, чтобы принять продуманное, взвешенное решение, и на то, чтобы успешно справиться с боевой задачей.

Пожалуй, имело бы смысл создать взводу более жесткие условия, хотя бы дефицит времени. Пожалуй...

И все было так, как тогда...

Курсанты вышли к высоте без опоздания. Ее выбор генерал сразу же посчитал не очень удачным, если не хуже. Обзор неважный, часть долины вообще не видна. А тут еще туман...

Этим промахом незамедлительно воспользовался «противник», в роли которого выступала другая курсантская рота. Один из ее взводов, незамеченным проследовав через «мертвую», непросматриваемую зону, заминировал в долине места, удобные для приземления вертолетов. И едва началась высадка людей из винтокрылых машин, посредник передал на КП: десант «подорвался» на минах.

Повторилось именно то, что случилось однажды в Афганистане...

За ходом занятий внимательно наблюдал начальник училища – генерал-лейтенант Альберт Евдокимович Слюсарь. Чуть выше среднего роста, подтянутый, стройный, в полевой форме под ремень, сидевшей на нем словно влитая, генерал выслушал доклад начальника кафедры тактики полковника Ильина молча. Лишь сузились серые глаза да на худощавом обветренном лице заиграли желваки. Мысленно в эти минуты Альберт Евдокимович возвратился на опаленную огнем и солнцем афганскую землю.

Всякий раз Слюсарь почти физически ощущал острую боль, когда узнавал о потерях, особенно людей. Хотя и понимал: на войне без утрат не обойтись. В жизни любой человек, рассуждал он, – это неповторимая, уникальная личность не только с сугубо индивидуальной внешностью, но и с особым внутренним миром, судьбой. И вдруг мгновенный обрыв — нет ни прошлого, ни будущего. Ничего! Даже если кто-то побеждал в поединке со смертью, тяжелое ранение, инвалидность нередко оборачивались крушением всех надежд.

Альберту едва минуло четыре года, когда в сорок третьем, в жестокой битве на Курской огненной дуге, под Белгородом погиб его старший брат – офицер пехоты. Бережно хранился в семье единственный любительский снимок Петра в черной рамке.

Сражался с фашистами и отец – Евдоким Гаврилович. Для крестьянина-переселенца на Дальний Восток из украинского села Кукуй это была третья, как он говорил, война – после гражданской и у озера Хасан. Правда, в течение почти всего лихолетья, палившего огнем Европу, Евдоким Слюсарь прослужил на востоке, на границе, где действовал приказ: огня не открывать. Только в августе сорок пятого солдаты ударили так, что меньше чем через месяц «на Тихом океане свой закончили поход».

Возвратившись домой, Евдоким Гаврилович опять пахал, сеял. И для младшего своего сына мечтал о доле хлебороба. Пусть нелегкой, зато самой счастливой, почетной на земле.

Жизнь, однако, рассудила иначе.

Все чаще вглядывался подраставший Альберт в фотографию старшего брата, отыскивал у себя общие с ним черты. Тем более что мать, Анастасия Ивановна, завхоз поселковой школы, не раз тяжело вздыхала;

– До чего же ты, Алик, похож на Петю! – Расскажи о Пете, мама, – нередко просил парнишка.

Анастасия Ивановна охотно говорила о том, каким добрым, чутким, любящим сыном был ее первенец. И в школьные годы Альберт часто ловил себя па мысли: «Как бы в этом случае поступил Петр?». Стремление равняться на брата – защитника Родины – предопределило выбор профессии. Слюсарь поступил в Благовещенское общевоинское высшее военное училище. То самое, которое перед войной окончил Петр...

В Воздушно-десантных войсках Альберт Евдокимович уверенно шагал по служебным ступеням: от командира взвода до командира дивизии.

Нравственным ориентиром для Слюсаря по-прежнему является пример единственного брата, павшего в боях с врагами Отчизны. Может, потому столь велика требовательность генерала, когда дело касается заботы о воинах. Ведь и сегодня каждый солдат – чей-то сын, брат, несчастье с которым причинит огромное горе его семье.

Особое место в биографии Слюсаря принадлежит конечно же Афганистану, откуда Альберт Евдокимович вернулся Героем Советского Союза. Однако с этой далекой страной связано и немало скорбных воспоминаний.

В Афганистан генерал приехал, когда советские воины уже более двух лет выполняли здесь свой интернациональный долг. Чуть ли не на ходу принял от своего предшественника командование. С первого же дня начали поступать сообщения о нападении душманов на автоколонны с грузами – продовольствием, медикаментами, горючим, о заминированных дорогах, о сожженных школах, мечетях. От него, Слюсаря, ждали неотложных решений, единственно верных в беспрерывно меняющихся ситуациях.

Альберт Евдокимович давно привык лично выяснять обстановку непосредственно на месте. Придирчиво проверял, каковы условия ратной службы у его подчиненных.

Почти сразу после того, как прибыл в Афганистан, Слюсарь отправился с подразделением десантников в рейд. Хотелось самому побывать на дорогах, в горах, пройти через перевал рядом с солдатом, увидеть на дороге обезвреженную мину, услышать свист нуля.

Серкай... Это название Альберт Евдокимович никогда не забудет. Первый кишлак, куда они вошли. Самый обычный, каких тысячи на афганской земле. Узкие улочки, вдоль которых вытянулись в небо высокие грязно-желтые глинобитные заборы – дувалы. Из такой же глины построены дома: приземистые прямоугольники с плоскими крышами и узкими, как бойницы, окнами. На полях, также огороженных, – чахлая растительность неопределенного серо-зеленого цвета.

Тщетно переходил генерал из одного двора в другой, надеясь встретить хоть одну живую душу. Нигде никого!

Однако Слюсаря поразило не столько безлюдье, сколько наглядные свидетельства того, что кишлак покинут совсем недавно, в страшной спешке. Ее следы наблюдались повсюду: раскиданные вещи, из которых, вероятно, отбиралось самое ценное, еще не остывшая зола в очаге, тепловатый чай в пиалах.

– Так точно, товарищ генерал, – подтвердил переводчик. – Жители разбежались только что, едва заметили поблизости нашу колонну. Почему? Боятся нас, душманы их запугали всякими вымыслами о нас. Мы же для них, мусульман, неверные. А местное население неграмотное, темное...

Важная задача советских подразделений, кроме сопровождения колонн с грузами, заключалась в том, чтобы обнаруживать и уничтожать душманские базы, склады с оружием,

боеприпасами. Именно там оснащались отряды мятежников перед тем, как организовать набег на кишлак, поддерживающий народную власть, или засаду для автомашин. Лишить душманов этих питательных центров значило вырвать корни бандитских вылазок.

Альберт Евдокимович возглавил операцию по ликвидации одной из крупнейших баз в Кули-Софи, что на севере столичной провинции Кабул. По крупицам собирали разведданные: какими маршрутами проникали сюда из Пакистана караваны с оружием и боеприпасами. От друзей из афганских органов безопасности – ХАД получили сведения о горных тропах, по которым эти грузы переправлялись в пещеры.

Первый вариант плана операции докладывал в кабинете Слюсаря оператор гвардии майор (ныне подполковник) Титов.

– Что ж, решительный штурм вражеских баз разработан неплохо. – Альберт Евдокимович поднялся из-за стола, подошел к большой карте Афганистана, которая висела на стене. – Но подумали ли вы, Алексей Борисович, чего он может нам стоить? Склады и базы расположены в пещерах, укрытых высоко в горах. Где? Точных мест размещения всех опорных пунктов у нас пока нет: в горах душманы как дома. Если вовремя займут заранее подготовленные огневые позиции за камнями, один бандит с пулеметом способен положить целую роту... Нет! – резко оборвал свои размышления генерал. — Штурмовать базу мы не будем. Слишком много людей потеряем.

Генерал опять сел за стол. Чуть помолчав, уже спокойно обратился к Титову:

– Записывайте, товарищ гвардии майор. В районе баз и складов мы наметим ротные тактические учения. Да, да, вы не ослышались! Именно ротные тактические учения в тех подразделениях, которые определены для участия в операции. Последовательное, день за днем, появление здесь наших воинов приучит к ним душманов, усыпит их бдительность. Это во-первых.

Во-вторых. На учениях будем стрелять из орудий по предполагаемым огневым точкам противника. Авось отзовутся, откликнутся. Тогда их засечем. Глубокая разведка всей системы обороны бандитов — еще одна цель ротных учений...

Спустя день Слюсарь пригласил к себе командиров батальонов и рот – участников операции. Когда офицеры расселись вокруг большого стола, генерал разъяснил им свой замысел:

– Первой отправится в район учений па боевых машинах десанта рота гвардии капитана Иванова. В начале долины спешивается на исходных позициях, БМД остаются на месте. Здесь уточняется задача. Глубоко в долину не входить! Организация учения, занятие огневых позиций артиллерии – все должно выглядеть максимально демонстративным. Но быть начеку, тщательно вести непрерывное наблюдение. Подробно докладывать его результаты. В процессе учения дать несколько залпов в горы. Куда именно – координаты вам укажут. Следующим утром выйдет другая рота...

Многие сутки продолжалась подготовка к операции. В ночь роты двигались к ущелью, чтобы с рассвета до вечера напряженно Трудиться на учении. А на штабной карте в эти дни появлялись новые цели.

В назначенный срок в три ноль-ноль воины капитана Иванова вышли в рейд в ущелье Кули-Софи. Впереди – саперы для разведки и разминирования дороги. Метрах в 300–400 от подножия гор двигались другие роты, а по самым высотам – подразделения афганской армии. Все детали командование продумало так, чтобы исключить любую внезапность.

В точном соответствии с планом артиллерия обрушила свинцовый шквал на огневые точки противника. Вертолеты, низко нависая над скалами, штурмовали горные тропинки, с воздуха прикрывали район боевых действий.

Так продолжалось трие суток. Наконец в палатку к генералу Слюсарю, который прибыл сюда в первое же утро, начальник связи принес текст радиоперехвата с базы. Душманы сообщали, что полностью изолированы, имеют большие потери, просили помощи. Из Пакистана в ответ требовали продержаться хотя бы еще сутки, дожидаться отряда, высланного на выручку.

– Ну что ж, все идет как надо. Завтра поутру – решающий, последний удар. Радируйте майору Солуянову о предполагаемом времени подхода подкрепления мятежников – пусть его батальон встретит их по-десантному...

В пещерах бандитской базы воины обнаружили сотни ящиков с патронами, снарядами, минами, разнообразное вооружение, продовольствие, крупные тюки белой ткани. Только в первый день вывезли 27 крупнокалиберных пулеметов, несколько сотен ракет класса «земля – земля», из которых душманы обстреливали Кабул. Трие суток непрерывно перебрасывались трофеи в расположение части. Фугасы, заложенные минами, довершили разгром вражеской базы.

Никто из наших воинов не пострадал. Бандиты повредили один вертолет, однако его экипаж сумел дотянуть до аэродрома и благополучно посадить машину.

Такого же успеха добился генерал-майор Слюсарь в районах Мусаи, Хуркабуле. Здесь мятежники нередко захватывали плотину водохранилища, питающего афганскую столицу, лишали Кабул живительной влаги.

Да, удача сопутствовала десанникам. Впрочем, только ли удача? Помнится, когда недруги Суворова пытались объяснить его громкие победы простым везением, великий полководец реагировал с присущим ему юмором: «Помилуй бог, сегодня счастье, завтра счастье. Надобно же когда-нибудь и умение!» Все операции советских подразделений тщательно разрабатывались до деталей. Замыслы командования всякий раз отступали от шаблона, отличались новизной.

И тем не менее генерал испытывал какую-то неудовлетворенность. Нет-нет да и всплывали в памяти кишлак Серкай, еще не остывшие его очаги, в панике брошенные жителями из страха перед «неверными».

«Неверные»... Разве заслужили такое обидное определение наши солдаты и офицеры? Сколько раз самоотверженными поступками, порой рискуя собственной жизнью, подтверждали они свою надежность! Неоднократно видел Слюсарь, как в совместных операциях солдаты по-братски делились с афганскими воинами хлебом, патронами. А есть ли что-либо дороже для жизни и боя, чем патроны и хлеб?!

Непосредственное общение с советскими людьми нередко ломало ледок предубеждения у афганского населения, которое наглядно убеждалось в их готовности к бескорыстной помощи.

«Что если разместить наших солдат в кишлаках надолго? – мелькнуло у Альберта Евдокимовича. Создать там заставы численностью, скажем, до взвода – для непрерывной разведки, охраны наиболее важных узлов дорог... Неизбежно завяжутся тесные контакты с местными жителями».

Вскоре генерал выехал в город Таракель, где почти каждую ночь душманы убивали или уводили в плен часовых с поста царандоя – народной милиции. Около тридцати самых почтенных

мужчин собрались, чтобы послушать советского генерала. Все в чалмах, седобородые, многие перебирали в руках четки.

Комдив назвал себя, добавил, что его отец – простой крестьянин с Дальнего Востока.

– Вах, вах, – изумленно закивали головами аксакалы.

Слюсарь разъяснил, зачем пришли в Афганистан по просьбе правительства страны советские войска, осудил ненужное кровопролитие. Особенно понравилось афганцам, когда генерал попросил их совета, как лучше добиться мира и спокойствия в городе. Долго не смолкали оживленные голоса. Бурно, с подлинной заинтересованностью обсуждая каждое предложение, достигли согласия: хорошо бы усилить пост царандоя советскими солдатами.

Так в городе Таракель образовалась первая застава генерала Слюсаря – парашютно-десантному взводу поручили охранять дорогу и вести разведку. Для более успешного выполнения боевой задачи рекомендовалось общение с местными жителями.

Застава... Привычное название наших героических пограничных подразделений на государственных рубежах Отчизны. Однако так же именовались богатырские сторожевые посты Древней Руси, что в давние времена заступали дорогу у въезда в город иноземным недругам. Здесь, в Афганистане, заставы генерала Слюсаря объединили оба эти значения.

Правда, вначале высокое начальство скептически отнеслось к тому, чтобы такие заставы приобрели широкое распространение. Но поскольку прямого запрета на организацию застав не прозвучало, Слюсарь на собственный страх и риск постепенно реализовывал свой план. Еще тогда, в 1983 году, понял, что на военных путях не урегулировать афганской проблемы. В рамках доверенной ему власти искал политические решения. Одну за другой формировал заставы – в том самом Серкае, в кишлаках Бутхак, Абдаран, в городе Баграме...

На дорогах стало чуть спокойнее. А штаб исправно получал теперь самую точную информацию о том, что происходило в провинциях, о намерениях противника.

Весьма неожиданно проявилось и еще одно влияние застав. С мирными предложениями начали обращаться... сами душманы! Первым сделал такой шаг Маланг – главарь крупной банды, включавшей более шестисот человек. Об этом случае писала газета «Красная звезда».

С Малангом, вооруженным до зубов, сопровождаемым двумя братьями в качестве телохранителей, встретился генерал-майор Слюсарь.

Мне довелось видеть Маланга, который выглядел довольно живописно. Косматая шапка смоляных волос, всклокоченная борода. Из-под густых бровей внимательно смотрели на собеседника пронзительные черные глаза. Поверх одежды – бронежилет западно-германского производства, на поясе – итальянский пистолет, за спиной – автомат.

В результате переговоров банда сложила оружие. Пользуясь амнистией народного правительства, душманы вернулись в родные кишлаки, к своим семьям, к мирному труду. А Маланг... поехал на краткосрочные курсы офицеров афганской армии, после окончания которых, уже капитаном, командовал батальоном.

Число застав в зоне действий десантников быстро выросло до нескольких десятков. Слюсаря попросили поделиться опытом их организации на совещании руководящего состава ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Вскоре заставы вошли в практику всех воинских частей.

Определилась четко и структура застав. Вместе с парашютно-десантным взводом нес службу взвод солдат афганской армии. При необходимости им помогали десятки бойцов-добровольцев местного отряда самообороны.

Образование застав добавило забот командирам. Прежде всего – как кормить солдат и офицеров? В каждый взвод повара не назначишь, а ограничиться сухим пайком значило рисковать здоровьем людей. Впрочем, эта проблема отпала сама собой. Везде нашлись умельцы, которые вполне справлялись с приготовлением пищи.

Не меньше, пожалуй, нуждались в духовной пище воины на дальних заставах, и без того оторванные от Родины. Подразделения снабдили транзисторными приемниками, но наладить регулярную доставку свежих газет и журналов, несмотря на все старания, не удавалось. Альберт Евдокимович добился, чтобы каждая застава получила небольшой по размерам надежный телевизор, который питался от бортовой электросети боевой машины, бронетранспортера или просто автомобиля. С тех пор десантники по системе «Орбита» смотрели телепередачи из Москвы.

Подразделения на заставах периодически менялись, возвращались отсюда на центральную базу. Здесь к услугам воинов имелись столовые, магазины, библиотеки, укомплектованные книгами, присланными в дар от всех республик Советского Союза. В солдатском клубе каждую неделю демонстрировались новые кинофильмы. Приезжали с концертами артисты. Особую популярность завоевал Иосиф Кобзон, который зачастую пел на открытой площадке несколько часов подряд, охотно откликаясь на любой заказ из зала...

Служба в Афганистане обогатила Альберта Евдокимовича опытом руководства войсками в различных условиях современной региональной войны. Эти навыки Герой Советского Союза генерал-лейтенант Слюсарь, возглавивший Рязанское высшее военное воздушно-десантное дважды Краснознаменное училище имени Ленинского комсомола, умело применяет в воспитании курсантов.

В первую же неделю на новой должности Альберт Евдокимович понял, что особое внимание необходимо уделить кафедре тактики. Почему? Убедился лично.

...Генеральский «уазик» подъехал к строю курсантов, только что прибывших в поле.

– Взвод, смирно! – Старший лейтенант Андрей Хиллов подбежал с рапортом: – Товарищ генерал! Взвод...

– Хорошо, хорошо. Продолжайте занятие. Я просто наблюдаю за ними.

Подразделение действовало в составе боевого разведывательного дозора, назначенного на марш от батальона. За полем дорога ныряла в лес, где, как знал Альберт Евдокимович по карте, пересекалась с другой. Разведка и прохождение перекрестка, закрытого с четырех сторон, требовали от курсантов, их командира предельной осторожности.

Как в Афганистане...

Правда, лесов там нет. Зато в горах и ущельях масса тропинок, дорог, заслоняемых высотками, а потому удобных для душманских засад. Приближаясь к таким местам, нужно ни на миг не ослаблять наблюдения с разных сторон, не упускать из поля зрения мельчайшие, вроде бы несущественные детали. Пренебрежение этим правилом в боевых условиях может обойтись очень дорого.

Слушая, как курсант в роли командира взвода инструктирует тех, кто должен был вести разведку, генерал мысленно фиксировал его промахи. Излишнее волнение, конечно, объяснимо: не каждый день на занятиях присутствует начальник училища. Да и паренек-то молодой – всего на

втором курсе. Так, назначены парные дозоры. Хорошо. Задача поставлена правильно. А перекресток лесных дорог? Курсант явно не разглядел, какой опасностью он грозит.

Получилось так, как и предполагал генерал. Боевой разведдозор ограничился прямолинейной разведкой маршрута. К закрытому перекрестку вышел сразу, без предварительного всестороннего, тщательного осмотра. Этой оплошностью не замедлил воспользоваться «противник», который, пропустив разведдозор, ударил по главным силам взвода из засады.

Занятиями руководил преподаватель тактики подполковник Владимир Яковлевич Леонтьев, заслуживший за образцовое выполнение интернационального долга в Афганистане орден Красной Звезды. Именно он создал сейчас ситуацию, максимально приближенную к боевой.

После окончания полевых занятий генерал-лейтенант Слюсарь на конкретных примерах показал курсантам, что в бою за подобные просчеты люди расплачиваются кровью. И виноват в их гибели, в невыполнении боевой задачи командир. Поэтому надо учиться воевать без ошибок.

На афганской земле генерал Слюсарь воочию убедился, насколько важна четкая организация взаимодействия войск. Стрелковые и парашютно-десантные подразделения сражались с врагом под грохот артиллерийских залпов, при непрерывном сопровождении авиации. А дирижировать этим слаженным «оркестром» обязан общевойсковой командир.

Под руководством генерала Слюсаря в училище разработано и издано учебное методическое пособие по управлению огнем артиллерии и действиями авиации. Для практических занятий курсантов оборудован, тоже собственными силами, специальный класс.

...Класс буквально начинен автоматикой. Вот, повинуясь нажатию кнопки на центральном преподавательском пульте, опускается в передней стене обыкновенная учебная доска. На ее обратной стороне – макет местности. Обозначая себя огнем, появляются разные цели. Курсанты сосредоточенно наблюдают за ними, вызывают вертолеты, дают им координаты, управляют огнем артиллерии.

По радио звучат команды:

«Я – «Волга»! Два полсотни второй! Цель противника в квадрате... Уничтожить!».

«Перелет – 150 метров. Цель для второго залета...»

Все эти переговоры записываются на магнитофонную ленту, в конце занятий еще раз прослушиваются для детального, обстоятельного разбора. Знания и навыки, полученные в классе, оттачиваются, совершенствуются на полевых выходах, учениях, где с курсантскими подразделениями непременно взаимодействуют артиллеристы, вертолетчики.

С рассказа о тактическом учении в Кавказских горах начался этот очерк. Под руководством генерала Слюсаря десант практически, не условно, высаживался с вертолетов. А «противник» тоже реально минировал участки его приземления. Правда, вместо подлинных мин закладывал имитационные. Но их разрывы, сизым дымком расплзавшиеся по долине, наглядно демонстрировали, какие последствия влечет за собой оплошность в бою одного человека — командира.

Потому столь остро переживал каждый промах курсантов Альберт Евдокимович. Потому непримирим он сегодня к малейшим послаблениям и условностям в обучении. Потому точно знают его воспитанники – занятия будут повторяться снова и снова. До тех пор, пока не получится так, как требуется в современном бою.